

«СОФИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК» И НОВГОРОДСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1136 г.

1. «Софийский временник» и Начальный киево-печерский свод 1095 г.

Новгородские летописи занимают в системе восстанавливаемой А. А. Шахматовым истории русского летописания центральное место. На основании новгородских летописей А. А. Шахматов уточняет историю летописания московского, тверского, псковского, смоленского и др. Но особенное значение имеет открытие А. А. Шахматовым в начале Новгородской I летописи младшего извода (а отсюда и в других новгородских летописях) свода более древнего, чем Повесть временных лет. Свод этот А. А. Шахматов назвал Начальным и отнес его составление к 1095 г. Утверждение, что в новгородских летописях был использован свод более древний, чем сама Повесть временных лет, лежит в основе всей реконструкции А. А. Шахматовым древнейшего русского летописания. Оно-то именно и явилось его исходной точкой. Это открытие А. А. Шахматова — одно из самых замечательных в истории изучения русских летописей и едва ли может вызывать серьезные, продуманные возражения.¹

Однако до сих пор не выяснен вопрос, когда и при каких обстоятельствах был привлечен к новгородскому летописанию киевский Начальный свод. Как известно, А. А. Шахматов определил, что Начальный свод был использован в Новгородской I летописи младшего извода с перерывами, и при этом только до 1074 г.² Первоначально А. А. Шахматов считал, что Начальный киевский свод был введен в Новгороде в первой четверти XIII в., когда был составлен из соединения новгородской владычной летописи и Начального свода «Софийский временник»³ (название «Софийский временник» с точки зрения А. А. Шахматова представляет собою переделку названия Начального свода — Русский временник). Позднее А. А. Шахматов пересмотрел этот вопрос и пришел к выводу, что Начальный свод был привлечен к новгородскому летописанию в 1423 г.⁴ Еще позднее А. А. Шахматов считал, что На-

¹ См. подробнее: Л и х а ч е в Д. С. 1) Шахматов как исследователь русского летописания. — В кн.: А. А. Шахматов. 1864—1920: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947, с. 272 и след.; 2) Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — ИОЛЯ, 1946, т. 5, вып. 5, с. 420.

² См.: Ш а х м а т о в А. А. 1) О Начальном киевском летописном своде. — ЧОИДР, 1897, кн. 3, с. 1—58; 2) Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись. — ИОРЯС, 1909, т. 13, кн. 1, с. 213—270; 3) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, гл. 1 и 15; 4) Повесть временных лет: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916; 5) Киевский Начальный свод 1095 года. — В кн.: А. А. Шахматов: Сборник статей. . . , с. 117—160.

³ Ш а х м а т о в А. А. Хронология древнейших русских летописных сводов. — ЖМНП, 1897, апрель, с. 463—482.

⁴ Ш а х м а т о в А. А. Разыскания. . . , с. 380 и др.

чальный свод был использован в 1432 г.⁵ Наконец, в недавно опубликованной работе А. А. Шахматова последних лет его жизни — «Киевский Начальный свод 1095 г.»⁶ — он вернулся к некоторым из своих прежних выводов о времени использования в новгородском летописании Начального свода. А. А. Шахматов считает в этой работе, что включение в состав Новгородской I летописи Начального летописного свода относится к 1433—1434 гг. Однако по ряду признаков А. А. Шахматов предполагает, что Начальный свод имелся в Новгороде в соединении с киевской летописью и какою-то новгородской уже в начале XIII в. Свод, соединивший Начальный свод, его продолжение — киевскую летопись и новгородскую летопись, отразился, между прочим, и в Синодальном списке (или его протографе): из этого свода в Синодальный список были включены «Повесть о взятии Царяграда латинами», рассказ о Калкской битве и некоторые южнорусские известия.⁷

Таким образом, Начальный свод имелся в Новгороде в соединении с какой-то новгородской летописью уже в начале XIII в., однако вопрос о времени составления этого соединения А. А. Шахматов оставил в этой своей работе открытым. Заметим тут же, что А. А. Шахматов, в противоположность другим своим выводам, выводы о времени и причинах соединения Начального свода с Новгородской летописью нигде не обосновывает исторически. С точки зрения А. А. Шахматова в Новгороде просто «нашелся» текст давно вышедшего из употребления Начального свода и притом в дефектном экземпляре.⁸ Этот случайный текст и был случайным же (в начале XIII в. или раньше; 1421, 1424, 1432 или 1434 гг.) привлечен для обновления официальной, чрезвычайно важной в новгородской политической жизни владычной летописи. Ниже мы увидим, однако, что использование в Новгороде антикняжеского Начального свода было далеко не случайным, что это произошло непосредственно после антикняжеского переворота 1136 г., в резко антикняжеских целях.

Обратимся прежде всего к самим событиям 1136 г.

2. Установление в XII в. нового политического строя в Новгороде и роль в нем Иифонта

Работы акад. Б. Д. Грекова в значительной мере выяснили обстоятельства установления в Новгороде в середине XII в. нового политического строя.⁹ До середины XII в. князь представляет

⁵ В статье «Летописи» для Нового энциклопедического словаря. См.: Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 366. См. также: Шахматов А. А. Повесть временных лет, с. XI.

⁶ А. А. Шахматов: Сборник статей. . . , с. 117—160.

⁷ Там же, с. 148—149.

⁸ Шахматов А. А. Повесть временных лет, с. XLIX.

⁹ Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII веке. — Учен. зап. Института истории РАН ИОН, 1929, т. 4, с. 13—21.

собой основную силу в государственной и культурной жизни Новгорода. В первой четверти XII в. старший сын Владимира Мономаха — Мстислав, а затем сын Мстислава — Всеволод стоят во главе политических предприятий Новгорода, покровительствуют искусствам, книжности, обстраивают Новгород двумя крупнейшими монастырями — Антониевым и Юрьевым, укрепляют детинец, обстраивают Ярославово дворище, покровительствуют культурному влиянию киевских книжников и киевского монашества. Хотя в XI и в начале XII в. новгородцы неоднократно вмешиваются в княжескую политику и самовольно выводят от себя посадников, общая организация государственного строя остается пока непоколебленной.

К середине XII в. относится установление нового социального и политического строя в Новгородской области. Новгород становится независимой боярской республикой. Процесс образования Новгородского государства сопровождается рядом бурных потрясений в жизни Новгорода, частыми сменами князей, посадников, тысяцких и заканчивается установлением всех тех новых форм правления, которые составляют затем на протяжении ряда веков характерную особенность Новгорода. С этой поры новгородский князь привлекается вечно только в качестве военного специалиста и ограничивается в своих правах особым договором; главенство в управлении Новгородом отныне принадлежит первому феодалу области — епископу, который приобретает некоторую независимость от киевского митрополита и должность которого, наряду с должностью посадника, становится выборною, зависимою от веча. Меняются не только политический и социальный строй Новгорода, но и привычные формы новгородской жизни. Обычным становится в Новгороде исполнение различных работ постоянными коллективами (артелями — «дружинами»), что накладывает сильный отпечаток на новгородское искусство и литературу. Архитектура и живопись испытывают процесс некоторой демократизации, обусловленный выдвижением новых социальных слоев в политической жизни города (главным образом ремесленников и купцов).

Внутренние потрясения новгородской жизни и новые политические силы, выдвинувшиеся в Новгороде в середине XII в., отчасти обусловлены изменениями в международном положении новгородской торговли и чрезвычайным усилением боярством феодальной эксплуатации своих владений, постепенно расширяющихся до Балтийского моря на северо-западе, до Ледовитого океана и Белого моря на севере, до Урала на востоке и до впадения Оки в Волгу на юго-востоке. В XII в. намечается перемещение путей европейской торговли. Средиземноморская торговля переходит от Византии в руки французов и итальянцев. Киев остается в стороне от европейской торговли, Новгород же оказывается в выигрыше: через Новгород и Суздаль направляются новые пути европейской торговли на Востоке. Новгородцы вывозят пушнину из северо-восточных областей, ввозят сукно, железо, соль, хлеб,

лошадей, предметы роскоши. XII век — это время, когда новгородцы сами держали в руках свою заморскую торговлю и когда новгородских купцов можно было встретить почти во всех торговых центрах Балтики. Одновременно и, очевидно, не в меньших масштабах, чем развитие торговли, идет развитие в Новгороде ремесел. По вполне понятным причинам развитие новгородской торговли сильнее отразилось в документальном материале, однако на развитие ремесел указывают топонимические и археологические данные и постоянное участие во второй половине XII—XIII вв. ремесленников в политической жизни города. На время интересы богатейших торговцев и ремесленников объединяются в общем им всем стремлении освободиться из-под политической опеки Киева и проводника этой опеки — ставленника киевского стола — новгородского князя.

По-видимому, около этого времени князь теряет свои права на Софию Новгородскую, бывшую перед тем княжеским храмом, и обосновывается на другой стороне Волхова — на Ярославовом дворце, уступая детинец вечу. В уставе Всеволода о церковных судах, который В. О. Ключевский относит к 1135 г.,¹⁰ впервые проводится отчетливый взгляд на Софию как на удел епископа: «. . . а дом святей Софии владыкам строити с сочьскими. . . А се приказываю своим наместником и тиуном суда церковного не обидети, ни судити без владычня наместника. А се дах в олтарь святей Софии и притчу церковному вседеньник сенаник вещьне; что суды церковныя, то святей Софии. А кто нашего роду пограбити или отъиметь, того повелехом владыче събором в синанице проклинати».¹¹ С переходом Софии в ведение одного епископа храм этот становится центральным палладиумом молодой вечевой республики. Епископ Нифонт вскоре значительно расширяет его, обстраивая с трех сторон галереями, и расписывает фресками.¹² По-видимому, предпринимались и другие работы в детинце, но они остались неизвестными из-за скудости источников.

Потеряв Софию, Всеволод пытается перенести ее значение на выстроенную им церковь Ивана на Опоках и упоминает ее в уставной грамоте о привилегиях ивановского купечества как новую новгородскую святыню. Всеволод дает ряд преимуществ ивановскому купечеству, организованному им из купцов, заинтересованных в торговле с Киевом.¹³ Грамота эта направлена против нового хо-

¹⁰ К л ю ч е в с к и й В. О. Боярская дума древней Руси. М., 1909, с. 180.

¹¹ Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1935, с. 44.

¹² См.: Новгородская первая летопись по Синодальному харатейному списку. СПб., 1888, под 1144 г., с. 135.

¹³ Новгородские связи с Киевом были в XII в. настолько интенсивны, что новгородцы составляли в Киеве как бы особую колонию, имевшую свою церковь (ср. Лаврентьевскую летопись под 1147 г.: «И повеле Лазарь взяти [тело] Игоря и понести и в церковь св. Михаила, в новгородскую божищу. . .»). Из Киева в Новгород ввозились мед и воск, следовательно, ивановская корпорация купцов «вощаников» была заинтересована в торговле с Киевом.

зяина Софийского двора — новгородского епископа, главного антагониста князя: «А городу, ни владыце, ни боярам весу не отъимати у святого великого Ивана, ни продавати моего данья великого князя Всеволода; а кто почнет вес отъимати, или продавати, или дом обидити святого великого Ивана и святого Захарьи, на того Спас и пречистая и святыи великыи Иван, будет им тма и съблазнь и казнь божия».¹⁴ В «Уставе князя Всеволода о церковных суждах, и о людех, и о мерилах торговых» говорится, что «живот» провинившихся в некоторых проступках делится: «треть живота святей Софии, а другая треть святому Ивану, а третья треть сочским и Новугороду»,¹⁵ т. е. Иван на Опоках и София ставятся в равные отношения — получают равную долю.¹⁶

Попытка Всеволода опереться на часть новгородского купечества, организованного им вокруг церкви Ивана на Опоках, не удалась. В 1136 г. происходят бурные волнения. Собравшееся вече, на котором, как и в 1132 г., присутствуют не только новгородцы, но псковичи и ладожане, смещает князя.¹⁷ Князя сажают в «епископль двор, с женою и с детьми и с тыщею, месяца мая в 28; и стражъе стрежаху день и ноць с оружьемъ, 30 мужь на день».¹⁸ Ему предъявляются следующие обвинения: «1) не блюдеть смерд; 2) чему хотел еси сести Переяславли; 3) ехал еси с пьлку переди всех».¹⁹ В этой краткой формулировке критикуются одновременно внутренняя и внешняя политика князя и высказывается отрицательная оценка его личных качеств.

Переворот 1136 г. окончательно ослабил княжескую власть и закрепил господствующее положение в управлении городом епископа. Князь лишается в Новгороде большинства своих доходов, прав и земельных владений. С этой поры он ограничен в охоте и в суде. Эти права, доходы и земельные владения переходят, по предположению акад. Б. Д. Грекова, к новгородскому епископу, который с этой поры становится богатейшим землевладельцем Новгорода и, очевидно, председателем совета господ, «начальником» новгородских бояр.²⁰ «Патрональный храм св. Софии стал

¹⁴ Около 1134—1135 гг. См.: Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, с. 42—43. Грамота сохранилась в списках конца XVI—начала XVII в.

¹⁵ 1125—1137 гг. Там же, с. 45.

¹⁶ Роль Ивановской организации купечества в процессе установления своеобразного новгородского государственного устройства довольно широко (но не всегда точно) обрисована в работе А. И. Никитского «Очерки из жизни Великого Новгорода. II. Святой великий Иван на Опоках» (ЖМНП, 1870, август, с. 201—224). По выражению А. И. Никитского, организация эта явилась «чистою революцией в жизни Великого Новгорода» (там же, с. 215).

¹⁷ См. Новгородскую первую летопись по Синодальному списку: «Новгородьци призваша пльсковиче, и ладожаны, и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода» (с. 128).

¹⁸ Там же, с. 128—129.

¹⁹ Там же, с. 129.

²⁰ Это положение епископа как первого феодала области отметил в своем «Путешествии» Гильбер де Ланнуа (в начале XV в.): Ung évesque, qui est comme leur souverain. . . (Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy, 1399—1450. Paris, 1840, p. 190).

средоточием государственной жизни Новгорода, естественно, что к нему перешло много княжеских прав, в том числе и право на прежние княжеские земли». ²¹

В 1137 г. от нового, на этот раз уже приглашенного, а не поставленного князя Святослава Ольговича Нифонт добивается для софийской казны устава о десятине, регулировавшего доходы владыки и дававшего ему большую независимость от новгородского князя. ²² Акад. Б. Д. Греков предполагает, что «Устав Святослава Ольговича» ущемлял интересы владыки и был составлен к выгоде князя. Однако в уставе Святослава в числе его возможных нарушителей называется только «князь или ин кто сильны новгородцев», но не называется епископ, что вполне естественно в документе, выгодном именно последнему. Затем в уставе Святослава есть определенный признак того, что он был составлен именно в епископской канцелярии: это применение в нем времяисчисления по индиктам — «В лето 6645 индикта 15». ²³ Времяисчисление по индиктам было введено при владычном дворе domestиком Антошиева монастыря Кириком и разработано им в 1136 г. в работе «Учение, им же ведати человеку числа всех лет». ²⁴ Оно отразилось, как это мы увидим в дальнейшем, в Новгородской I летописи под 1136 г. В пользу того мнения, что устав Святослава был продиктован интересами владычного двора, а не князя, можно привести и следующее соображение. Обычно нарушителю условия в грамотах угрожает кара со стороны патрона того учреждения, чьи интересы более всего страдают от его нарушения. Так, например, в грамоте о привилегиях церкви Ивана на Опоках (1134—1135) нарушителю угрожает святой Иван, ²⁵ в купчей игумена Благовещенского монастыря Антония Римлянина (1147) угрожает «мати божия», ²⁶ во вкладной грамоте Варлаама Хутынского монастыря Спаса (1192) угрожает Спас, ²⁷ в уставе же Святослава 1137 г. угрожает София: очевидно, потому, что именно храм Софии страдал при его нарушении. ²⁸ Таким образом, устав Святослава 1137 г. должен, очевидно, считаться одним из завоеваний епископа в перевороте 1136 г.

В характеристике новгородских событий середины XII в., приведших к установлению нового политического строя в Новгороде, обычно недостаточное внимание уделяется церковной политике Новгорода в это время и роли в ней новгородского епископа Нифонта. Между тем новгородский политический переворот XII в., вызвав значительные изменения во внешней политике Новгорода,

²¹ Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII в., с. 20.

²² См.: Русские достопамятности. М., 1815, ч. 1, с. 83 и след., а также: Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, с. 47—48.

²³ Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, с. 48.

²⁴ См.: Труды и летописи ОИДР, 1828, ч. 4, кн. 1.

²⁵ Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, с. 43.

²⁶ Там же, с. 48.

²⁷ Там же, с. 50.

²⁸ «А будет богу противен и святей Софии» (там же, с. 48).

отнодь не замкнулся пределами этого города. В середине XII в. княжеские междоусобицы Киевской Руси достигли своей наибольшей сложности и остроты. В это время происходила упорная борьба между Византией и венграми. В борьбу эту, захватившую также Германию, Чехию и Сицилию, были втянуты и русские княжества.²⁹ Хотя основные перипетии этой борьбы разыгрались начиная с 1152 г., однако и раньше отношения сторон были уже вполне определившимися. В 1149 г. Гейза заявил, что он «ратен царю», и поддерживал своих родственников в Сербии и Боснии против Мануила. Киевский митрополит Михаил, грек по происхождению, стоял на стороне Юрия Долгорукого и его зятя Владимирко Галицкого против великого князя Всеволода, пользовавшегося расположением киевлян. В 1145 г. Михаил, резко проводивший византийскую политику, покинул Киев и уехал к «Цесарю-городу», как видно, не вполне добровольно, возможно, под давлением князя Всеволода, насаждавшего русский епископат. 13 августа 1146 г. Киевом завладел Изяслав Мстиславич. Основной заботой его во внутренней политике было замещение митрополичьей кафедры природным русским, без сношений с Константинополем, так же, как за столетие перед этим был поставлен Ярославом русский митрополит Иларион. Момент для этого был выбран удачный. Византия испытывала в это время величайшие внешние затруднения. В 1144 г. переход во власть мусульман Эдессы вызвал второй крестовый поход. Весной 1147 г. через Византийскую империю прошли полчища немецких крестоносцев; в октябре — французы. И те и другие не прочь были поживиться византийскими богатствами. Сицилийский флот захватил Корфу и подверг грабежу Фивы и Коринф. Не менее тяжелое положение создалось в Византии и в области церковных дел. Патриарх Михаил Охсит сам признал себя недостойным патриаршего престола и в 1146 г. удалился в монастырь. Следующий патриарх Косьма Атик (1146—1147) был низложен патриаршим синодом после крупного скандала. И византийскому императору, и византийской церкви было не до русских дел. Изяслав выбрал кандидатом на митрополичью кафедру знаменитого Климента Смолятича. Ипатьевская летопись дает следующую характеристику Клименту: «. . . бе бо черноризець скимник и бысть книжник и философ так, якоже в Русской земли не башеть». Климент, по-видимому, пользовался довольно большим авторитетом: к нему обращались за разрешением всякого рода церковных вопросов, он известен различными посланиями.³⁰ Таким образом, мы должны признать, что русский кандидат на митрополичью кафедру был выбран обдуманно: он во всяком случае

²⁹ Европейские союзы распределялись следующим образом: вместе с Византией были Чехия, Конрад в Германии, Галицкая земля и Суздаль; вместе с Венгрией были Сицилия, Гвельфы в Германии, Изяслав Мстиславич и Давидовичи черниговские.

³⁰ См.: Н и к о л ь с к и й Н. О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII в. СПб., 1892.

был человеком незаурядным и мог с честью заменить своих предшественников — греков. Однако русские церковные иерархи не были единодушны в вопросе о поставлении митрополита-русского. Распрями византийской и антивизантийской партий решили воспользоваться новгородцы, во главе с Нифонтом, чтобы добиться независимости от киевского митрополита. Нифонт был поставлен в Новгород епископом в 1130 г. Очень быстро он примкнул к суздальской ориентации и всячески удерживал новгородцев от проявления вражды к суздальцам. Так, в 1134 и 1135 гг. Нифонт пригласил даже к себе на помощь митрополита-грека Михаила, чтобы помирить суздальцев с новгородцами, но напрасно. Новгородцы не только пошли ратью на суздальцев, несмотря на запрещение митрополита, но насильно задержали его в Новгороде до возвращения из похода (впрочем, неудачного). Летом 1147 г. Изяслав Мстиславич собрал в Киеве собор, на котором присутствовало большинство русских епископов (пять — по Лаврентьевской летописи). Епископ Онуфрий выступил на этом соборе с предложением поставить митрополитом Климента (или Клима, как называет его Ипатьевская летопись). Онуфрия оспорил Нифонт, взявший сторону греков и заявивший сомнение в возможности поставления митрополита без участия патриарха: «Не есть того в законе, яко ставити епископом митрополита без патриарха, но ставити патриарх митрополита: а мы не поклониве ти ся, ни служиве с тобою (Климентом. — *Д. Л.*), зане не взял еси благословения у святое Софьи, ни от патриарха; еще ли ся исправиши, благословишися, и тогда ти ся поклониве: мы взяли от Михаила от митрополита рукописание, яко не достойть нам без митрополита в святей Софьи служити».³¹ Нифонт вернулся с собора в Новгород; во всяком случае, мы не имеем сведений о его присутствии на соборе в дальнейшем. В отсутствие Нифонта Онуфрий выступил с новым казуистическим предложением, которое должно было обойти возражения Нифонта: «Аз сведе, достойть ны поставити, а глава у нас есть святого Климента, якоже ставять Греци рукою святого Ивана».³² Обычай, о котором говорит Онуфрий, был следующий: греки ставили своих патриархов, благословляя их рукою патриарха Германа I — знаменитого противника иконоборцев. Обряд этот установился в уверение того, что и новый патриарх будет продолжать дело Германа.³³ На этот раз предложение Онуфрия имело успех, и Климент был поставлен в день именин Изяслава Мстиславича (христианское имя которого было Пантелеймон) — 27 июля. Приурочение поставления митрополита-русского ко дню именин великого князя показывает, какое большое политическое значение

³¹ Ипатьевская лет., под 1147 г.

³² Там же.

³³ Об этой руке Германа см. в «Хождении Антония» (Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867, вып. 2, с. 341). Что касается мощей Климента, то они в IX в. были найдены в Корсунии и увезены в Рим. Из Рима голова Климента была затем привезена в Киев посольством папы Иоанна XV в 988 или 989 г.

придавалось этому событию. Тотчас после поставления Климента Нифонт порывает с киевской митрополией и едет в Суздаль к союзнику Византии Юрию Долгорукому «мира деля». В Суздале Нифонт освящает церковь Богородицы и снова хлопочет, по-видимому, о союзе с Новгородом. Замысел Нифонта и вся серьезность создавшегося для Киева положения были в полной мере оценены Изяславом Мстиславичем. В 1148 г. осенью Изяслав вывел из Новгорода Святополка, посадил на его место своего сына Ярослава и спустя недолгое время приехал вслед за сыном сам. Новгородцы, в среде которых боролись две партии, встретили Изяслава дружелюбно, и он смог их уговорить отправиться в поход на Юрия Долгорукого. Вернувшись в Киев, Изяслав вызвал к себе из Новгорода Нифонта и подверг его заключению в Печерском монастыре. Отметим, что заключение в Печерском монастыре не было для Нифонта тягостным. Позднее, во время своего вторичного приезда в Киев, Нифонт на этот раз уже добровольно останавливался в Печерском монастыре. У него были, по-видимому, насколько можно об этом заключить из его позднейшего жития, дружественные отношения с игуменом монастыря Феодосом. В своих «Вопрошаниях» Кирик ссылается на Феодоса как на лицо, хорошо известное Нифонту и близкое митрополиту: «И Феодос, рече, у митрополита слышав, напсал. — Такоже не ни напсав, рече, ни митрополит, ни Феодос, разве неделя празьдник».³⁴

Печерский монастырь, бывший оплотом русской церковной политики против киевского митрополита-грека, всегда искал независимости от своей митрополии. Надо думать, что предшественнику Климента — митрополиту Михаилу удалось сломить сопротивление монастыря, поставив в него игумена-грека Феодоса. При новом, на этот раз уже русском митрополите Клименте Феодос продолжал борьбу своих предшественников за независимость Печерского монастыря, но митрополитом был уже не грек, а русский, игуменом же Печерского монастыря был на этот раз грек, и прежняя политика оппозиции митрополиту оказалась теперь прямо противоположна предшествующей по своему значению. В изменившейся ситуации ставропигия Печерского монастыря была при Феодосе основой его византийской ориентации, дававшей ему право на преимущественное внимание сторонников византийской ориентации: Владимирко Галицкого и Юрия Суздальского (связанного с Нифонтом дружественными узами). Эта политика Печерского монастыря, пытавшегося приобрести положение в русской церкви, аналогичное положению Афонского монастыря в византийской,³⁵ очевидно, и навела Нифонта, постриженника Печерского монастыря, на мысль о необходимости для новгородской церкви добиться непосредственного подчинения патриарху через голову киевского митрополита. Вызов Нифонта из Новгорода был обусловлен исключи-

³⁴ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI—XV вв. — РИБ, СПб., 1880, т. 6, стб. 38.

³⁵ См. об этом: П р и с е л к о в М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, с. 307.

тельно желанием обезвредить его политически; коль скоро Нифонт очутился в Киеве, Изяслав находит достаточным «посадить» его в том самом Печерском монастыре, постриженником которого Нифонт являлся и из которого, как не мог не знать Изяслав, Нифонт был поставлен в новгородские епископы.³⁶

Нифонт был освобожден из заключения Юрием Долгоруким, занявшем Киев 26 августа 1149 г. Новгородская летопись в следующих выражениях записала о возвращении Нифонта под 1150 (6658) г.: «Приде архениском Нифонт ис Кыева, пущен Гюргемь княземь; и ради быша людье Новегороде». Митрополит Климент был изгнан из Киева, но, по-видимому, вернулся в 1151 г. и встретил Изяслава, еще раз победителем вошедшего в Киев. В 1153 г. Киев вторично был завоеван Юрием, снова прогнавшим Климента и пославшим за митрополитом в Константинополь. Вероятно, ко времени освобождения Нифонта Юрием следует отнести получение Нифонтом из Константинополя титула архиепископа, переводившего его из подчинения киевскому митрополиту-схизматику в непосредственное ведение патриарха. В Константинополе, очевидно, в связи с поставлением митрополита-русского решили дать независимость Нифонту от всяких притязаний Киева. Надо думать, что и сам Нифонт добивался в Константинополе своей независимости от митрополита, идя в этом отношении по пути Печерского монастыря. К этому времени относится антиминос Николо-Дворищенского собора³⁷ (1149), в котором Нифонт называет себя архиепископом. Антиминос этот ясно свидетельствует о том, что именно Нифонт, а не Иоанн, как это обычно принято считать, был первым новгородским архиепископом. Архиепископия давала Нифонту права на непосредственные сношения с патриархом, минуя митрополита, что в данной ситуации было выгодно и Новгороду и Константинополю. О том, как политика Нифонта была оценена в Константинополе, дает представление грамота, присланная ему патриархом Николаем Музаломом.³⁸ Под 1156 (6664) г. Ипатьевская летопись записала о Нифонте: «Патриарх же присла к нему грамоты, блажа и причитая к святым его; он же боле креплющися, послушивая грамот патриаршь». Возможно, что в одной из присланных Нифонту патриархом грамот ему даровался и титул ар-

³⁶ См. об этом III Новгородскую летопись.

³⁷ Антиминос этот упоминает И. К. Куприянов (Прогулка по Новгороду. Новгород, 1862, с. 88—89). Сведения о нем даны: Орлов А. С. Библиография древнерусских надписей. М.; Л., 1936, с. 13 (тут же библиография вопроса, кроме работы И. К. Куприянова).

³⁸ Послание патриарха Николая Музалона «господину епископу Новграда Нифонту»: «Слышахом, господине, о твоём праведном страдании, иже бога ради страждени противу Клима митрополита, иже без нашего благословения взял на ся Киевскую митрополию своим изволением. . . и много от него досаждения злаго и укоризны претерпел еси. И ты, страдальче, и еще терпе о правде бога ради и не пренемай от злаго сего аспида Клима и от его злых советник и будени причтен от бога, брате, к прежним святым. . . Мир тебе, отче. . . страдальче Христов. . .» (Макарий. История русской церкви. 3-е изд. СПб., 1888, т. 3, прил. № 7, с. 297).

хиепископа.³⁹ Как были поняты в Новгороде патриаршие грамоты, показывает тот факт, что, по последующей легенде, Нифонт якобы был признан патриархом «святым» еще при жизни. Отметим, что Синодальный список Новгородской I летописи называет Нифонта под 1144 г. «святым» («архиеписком святой Нифонт»). Это не позднейшая вставка, обусловленная канонизацией Нифонта: канонизирован Нифонт был сравнительно поздно — в XVI в., дошедший же до нас Синодальный список Новгородской I летописи не может быть позднее XIV в.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. Оригинальная новгородская система избрания владык, которой мы не найдем аналогии ни в одном из княжеств и которая отстраняла киевского митрополита от всякого фактического участия в поставлении новгородского епископа, установилась, как это указывает П. Соколов, как раз после смерти Нифонта.⁴⁰ Естественно думать, что и учредителем ее был именно Нифонт. В том же убеждает нас и сама юридическая сторона этих выборов, свидетельствующая о глубоком знакомстве ее учредителя с византийским церковным правом. В самом деле, выборы эти представляли собой, по утверждению П. Соколова, оригинальное соединение системы Юстиниановых новелл о замещении епископской кафедры (выбор трех кандидатов избирательной комиссией) и системы монастырских типиков Византии XII в. (выбор игумена, а в Новгороде епископа, по жребию из трех кандидатов).⁴¹ Во всяком случае Нифонт сумел извлечь из своего положения единственно признанного в Византии русского епископа все выгоды и установил для Новгорода если и не формальную (признанную и митрополитом), то во всяком случае фактическую церковную независимость.

Политика Нифонта была далеко не случайной для Новгорода. Если Киев боролся за самостоятельную русскую митрополию, то Новгород, для которого опасность подчинения константинопольскому патриарху не была такой осязательной, неоднократно искал опоры против Киева именно в Константинополе. Акад. Б. Д. Греков так объясняет введение выборного начала в поставление новгородского епископа: «Время первого избрания епископа (1156 г. — Д. Л.) не совпадает с временем вероятного политического переустройства Новгорода, потому что епископ Нифонт, принимавший непосредственное участие в политической жизни Новгорода, очевидно, сразу признал совершившийся переворот, может быть, даже ему содействовал, что весьма вероятно, так как от нового порядка храм св. Софии и его глава — епископ, несомненно, выигрывали, да и позиция, занятая Нифонтом, насколько можно ее наблюдать, насколько не противоречит такому предположению. Смещать

³⁹ Точка зрения на Нифонта как на первого архиепископа, впрочем, без достаточного углубления в вопрос, высказана еще П. Д. Беляевым (Рассказы из русской истории. М., 1864, т. 2, с. 115—116).

⁴⁰ См. Синодальный список Новгородской I летописи под 1156 (6664) г.

⁴¹ С о к о л о в П. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913, с. 319—320.

Нифонта не было, следовательно, никакого смысла, но если бы он оказался неподходящим лицом для нового порядка, конечно, новгородцы теперь не обращались бы в Киев, а проделали бы тогда же, т. е. в конце 30-х годов, ту же процедуру, которая силою вещей была отодвинута до 1156 г., когда он, Нифонт, „к весне преставился“ (апреля в 18 день), т. е. собрался бы весь град, люди поставили бы себе епископа и вместе со всем клиросом св. Софии, с городскими попами, игуменами и чернецами ввели бы его во двор святыя Софии и поручили бы ему епископью и потом радовались своему владыке». ⁴² Таким образом, акад. Б. Д. Греков считает введение начала выборности в замещении новгородской кафедры вполне аналогичным с введением выборной должности посадника.

Тем самым церковная реформа Нифонта связывается с аналогичной реформой в поставлении посадников.

Однако мы должны принять во внимание, что в замещении епископской кафедры присутствует чрезвычайно важный для средневекового сознания сакраментальный момент. Этот сакраментальный момент отсутствовал в выборах посадника, но присутствовал в акте поставления епископа. Вряд ли новгородцы стали бы рисковать быть объявленными схизматиками, устанавливая свою отдельную от киевской церковь, если бы вопрос этот не был продуман с точки зрения церковного законодательства. Установлению выборного замещения новгородской епископской кафедры должна была предшествовать большая церковно-юридическая и церковно-историческая работа. Клерикальный характер средневекового мировоззрения не мог позволить новгородцам с тою же легкостью нарушать церковные установления, с какою они нарушали политические права князей и посадников, и стихийно устанавливать новые формы церковной жизни. Оригинальная и сложная реформа церковного управления Новгородом была, по-видимому, продумана и установлена знатоком церковного законодательства Нифонтом, который, очевидно, и завещал провести ее в жизнь при первом же случае, т. е. сразу же после своей смерти. Такое объяснение устраняет хронологический разрыв между «избранием первого епископа» и «временем вероятного политического переустройства Новгорода». ⁴³

Установление новых порядков в новгородской церкви связано, таким образом, с установлением нового политического строя Новгорода, в котором новгородская церковь с этой поры начала играть главенствующую роль.

Вместе с тем сама новгородская церковь подпала под контроль веча и устранялась от влияния на нее Киева.

Итак, в середине XII в. в Новгороде совершается политический переворот, с которым связывается образование большинства основных новгородских республиканских учреждений, составлявших отличительную особенность Новгорода в течение более трех

⁴² Греков Б. Д. Новгородский Дом св. Софии, ч. 1, с. 20—21.

⁴³ Там же, с. 20.

столетий. Главнейшие результаты новгородского переворота XII в. сводятся к следующему. Князь теряет часть своих прав и доходов, теряет свои земельные владения, которые с этой поры принадлежат софийской казне. Роль князя сводится к роли военного специалиста, приглашаемого усилившимся вечею и ограничиваемого особым договором — «рядом». Новгородская церковь приобретает некоторую независимость («архиепископию») от киевского митрополита и вместе с тем становится в известной мере зависимой от веча, которое с этой поры принимает участие в поставлении епископа. Последний делается главой новгородского государства, председателем «совета господ», хранителем новгородской государственной казны и обширных государственных земель, основной фонд которых составил из конфискованных владений князя. Вместе с тем новгородский епископ становится безраздельным обладателем новгородского детинца и патронального храма Новгорода — Софии. Епископ приобретает право суда, право контроля и право наблюдения за торговыми мерами. Епископ ведает внешней политикой города и защищает интересы иноземной торговли в Новгороде. Ища популярности у населения, епископ с этой поры усиленно покровительствует искусствам и письменности.

Нельзя не отметить во всем этом переустройстве выдающейся роли самого епископа Нифонта. Крупный политический деятель, Нифонт был вместе с тем и незаурядным культурным деятелем. Его инициативе принадлежит постройка ряда зданий в Новгороде, в Старой Руссе, Ладоге и во Пскове.⁴⁴ Его инициативе, как увидим в дальнейшем, принадлежит и развитие летописания, поставленного им на службу новому политическому порядку в Новгороде: надлежало пересмотреть всю новгородскую историю, отношения Новгорода к Киеву, отношения к княжеской власти, найти исторические основания новому политическому устройству Новгорода. Как и в других аналогичных случаях, получение титула архиепископа было ознаменовано составлением нового летописного свода.

3. Княжеский свод Всеволода 1119—1135 гг.

Основной вехой новгородского летописания XII в. А. А. Шахматов считает 1167 г. — время составления новгородского епи-

⁴⁴ В многочисленных постройках Нифонта впервые проявились многие новые архитектурные приемы и новые архитектурные вкусы, определяемые М. К. Каргером следующими чертами: «Вместо грандиозных, но единичных сооружений появлялись небольшие по величине, но строящиеся в огромном количестве. Здания эти по своему художественному выражению значительно проще, скромнее и интимнее репрезентативных, парадных сооружений начала века» (Каргер М. Новгород Великий. М., 1946, с. 40). Изменения в новгородской архитектуре нельзя, конечно, приписывать личным вкусам Нифонта, как это делает А. И. Некрасов (Великий Новгород и его художественная жизнь. М., 1924), однако самое появление новых архитектурных приемов при Нифонте — симптоматично.

скопского свода. Однако вопрос об этом своде по-разному освещен в различных работах А. А. Шахматова. Автором этого свода А. А. Шахматов первоначально⁴⁵ считал Германа Вояту, а затем какого-то владычного летописца.⁴⁶ По-разному восстанавливается А. А. Шахматовым и состав этого свода. Так, например, в «Обзрении. . .» А. А. Шахматов считал возможным, что Герман Воята соединил текст новгородского Владычного свода с текстом какой-то южнорусской летописи, доведенной до 70—80 гг. XII в. (точнее, 1174 г.). Впоследствии же А. А. Шахматов нашел более вероятным относить южнорусские известия Новгородской летописи за счет устной передачи. Недостаточно обоснована А. А. Шахматовым и самая датировка составления новгородского свода — апрель—май 1167 г. А. А. Шахматов считает эту дату наиболее вероятной, так как перечень князей киевских в начале статьи 6497 г. в новгородском своде 1448 г., включившем в свой состав и свод XII в., доведен только до Ростислава Мстиславича. «Перечень и свод, — пишет А. А. Шахматов, — составлены до 1167 г., ибо в Новгороде знали бы в 1167 г., что великим князем сделался Мстислав Изяславич».⁴⁷ Искусственность этой аргументации А. А. Шахматова станет ясной, если мы вспомним, что все списки Новгородской I летописи младшего извода и предшествующих сводов, в которых эти перечни уже читались, переписывались по многу раз вплоть до XV—XVI вв., и тем не менее список киевских князей пополнен не был. Почему же то, что не делалось позднее в течение ряда столетий, должно было быть сделано непременно в июне 1167 г., как только в Новгороде узнали, что великим князем киевским стал Мстислав Изяславич? А. А. Шахматов рассчитывает при этом, что для получения известия в Новгороде о вокняжении Мстислава Изяславича должно было потребоваться полтора месяца: в середине мая произошло вокняжение Мстислава Изяславича — следовательно, в июне это вокняжение должно было стать известным в Новгороде и получить отражение в Новгородской летописи.⁴⁸ Наиболее как будто бы убедительный аргумент в пользу составления Новгородского свода XII в. в 1167 г. извлекается А. А. Шахматовым из приписки, первоначально входившей, очевидно, во владычную летопись, откуда она попала затем в общерусский Новгородско-Софийский свод 30-х гг. XV в. (свод 1448 г.: Софийская I, Новгородская IV и другие летописи). Мы разумеем приписку к известию о пожаре Софии новгородской в 1049 (6557) г., которая стояла «идеже ныне постави Сотко церковь камену святого Бориса и Глеба». Церковь Бориса и Глеба

⁴⁵ Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938, с. 129.

⁴⁶ Шахматов А. А. Разыскания. . ., с. 186 и др.

⁴⁷ Там же, с. 195.

⁴⁸ На дату 1167 г. как на знаменательную в новгородском летописании впервые и по тем же основаниям указывал, впрочем, еще до А. А. Шахматова М. Погодин (Исследования, лекции и замечания по русской истории. М., 1857, т. 5, с. 344).

была заложена в 1167 г. «Слово „ныне“, — пишет А. А. Шахматов, — прямо указывает на время около 6675 года (1167 г. — Д. Л.): мы не читаем „идеже ныне стоит церковь“, а читаем „идеже ныне постави“. Итак, вот ясное свидетельство в пользу того, что древние новгородские известия подвергались обработке во второй половине XII в. или, что то же, что во второй половине XII в. возник новгородский летописный свод. Время составления свода определяется приведенным известием. Оно указывает на то, что свод составлен около 1167 г.»⁴⁹ Обратим внимание на одну деталь в этой аргументации А. А. Шахматова: в Новгородско-Софийском своде (Софийской I и Новгородской IV) ясно сказано: «идеже ныне постави Сотько церковь камену святого Бориса и Глеба». Между тем весной 1167 г. церковь эта была только «заложена», но не «поставлена», освящена же она была 14 октября 1173 г.⁵⁰ Таким образом, церковь строилась шесть с половиной лет. Форма «постави» точно указывает, что ко времени написания этих слов постройка церкви Бориса и Глеба была уже завершена. Кроме того, А. А. Шахматов приводит известие 1049 г. в качестве доказательства составления свода XII в. точно в апреле—мае 1167 г. и приписывает эту работу Герману Вояте. Между тем известие 1049 г. и сведения о Германе Вояте принадлежат двум различным стволам новгородского летописания и, следовательно, не могут быть сопоставляемы. Сведения о пожаре Софии в 1049 г. читались в общерусском Новгородско-Софийском своде (в Синодальном списке они читаются в иной форме и под другим годом — 1045 г.), сведения же о Германе Вояте имеются только в Синодальном списке и отсутствуют в Новгородско-Софийском своде. Не выдерживает критики и третий аргумент А. А. Шахматова в пользу составления новгородского свода в XII в. в 1167 г.: это связь его составления с тем, что в 1165 г. новгородский епископ получил титул архиепископа и пожелал, по мнению А. А. Шахматова, подвести итог всему предшествующему периоду новгородской истории. В самом деле, как мы видели выше, архиепископом именуется себя Нифонт уже в 1149 г.

Новгородское летописание не получило освещения и в работе М. Д. Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.»⁵¹

Незавершенность изучения истории новгородского летописания и важность занимаемого новгородскими сводами места в общей истории русского летописания делают необходимым внимательное рассмотрение именно этого раздела истории русского летописания.

Установить этапы новгородского летописания XII в. поможет самый состав новгородских летописей. Отметим прежде всего, что в тех из своих работ, где утверждалось, что Начальный свод был

⁴⁹ Шахматов А. А. Разыскания. . . , с. 203.

⁵⁰ См. Синодальный список Новгородской I летописи под 1173 г.

⁵¹ В «Истории русского летописания XI—XV вв.» (Л., 1940) М. Д. Приселков на с. 34 обещал рассмотреть историю новгородского летописания в особой главе, но обещания этого в своей работе не выполнил.

использован в Новгороде в XV в., А. А. Шахматов отрывал Синодальный список (XIV в.) от младшего извода Новгородской I летописи. А. А. Шахматов предполагал, что Синодальный список имел в своем начале не Начальный свод, а только Повесть временных лет в третьей редакции. Такого же взгляда продолжал держаться А. А. Шахматов и в последней своей работе «Киевский Начальный свод 1095 г.», где утверждал, что Начальный свод имелся в Новгороде в соединении с какою-то новгородской летописью еще в начале XIII в., т. е. до составления протографа Синодального списка, причем это соединение отразилось и в самом Синодальном списке, но только не в той части, где был использован в нем Начальный свод. И в этой своей работе А. А. Шахматов предполагал, что утраченная часть Синодального списка восходит к Новгородской летописи в соединении не с Начальным сводом (как все остальные новгородские летописи в пределах до 1074 г.), а с третьей редакцией Повести временных лет.

Действительно, в Синодальном списке мы находим ряд известий, явно восходящих к Повести временных лет именно в третьей, последней редакции 1118 г.⁵² Приведем примеры.

Третья редакция
Повести временных лет
(цит. по изд. А. А. Шахматова
1917 г.)

6615 (1107). А февраля 5 трясеся земля пред зорями в нощи.

6620 (1112). Ярослав ходи на Ятвигы, сын Святопѣльчъ, и победи я, и пришьд с войны, посла Новгороду, и поя Мьстиславлю дъщерь себе жене. . . Того же лета преставися Давыд Игоревичъ, месяца маия в 25. . .

6621 (1113). В сеже лето Мьстислав заложил църкъвь камяну святаго Николы на кнѣзѣи дворе у тѣрговища Новогороде.

6622 (1114). Преставися Святослав, сын Володимерь, месяца марта в 16 днь. . .

6623 (1115). В лето 6623, индикта 8, съвѣкупишася братия, Русьстии кнѣзѣи, Володимерь, завемии Мономах, сын Вьсеволожь, и Давид Святославичъ и Ольг, брат его, и съдумаша перенести мощи Бориса и Глеба: бяху бо създали църкъвь има камяну на похвалу и чьсть телесома ею и на положение. Първое же

Синодальный список
I Новгородской летописи
(цит. по изд. 1888 г.)

6615 (1107). Трясеся земля 5 февраля.

6621 (1113). Ходи Ярослав на Ятвигы, сын Святопѣльчъ; и пришьд с войны поя дъщерь Метиславлю. В се же лето преставися Давид Игоревичъ.

6621 (1113). В то же лето заложена бысть церкы Новогороде святаго Николы.

6622 (1114). Преставися Святослав Переяславлѣ.

6623 (1115). Съвѣкупишася братья Вышегороде: Володимир, Ольг, Давид, и вся Русьская земля, и освятѣша църковь камяну маия в 1, а в 2 перенесоша Бориса и Глеба, индикта в 8.

⁵² Редакция 1118 г. иногда называется также второй. Будем придерживаться новейшей терминологии и называть эту редакцию третьей. Отметим, однако, что дата 1118 г. также должна быть признана условной: в «Разысканиях. . .» А. А. Шахматова на с. 669 имеется примечание к с. 209, где составление этой редакции отнесено к 1119 г.

«святиша църквѣ камяную, мая
1 днь, в субботу; наутрия же,
в 2 днь, перенесоша святая. . .

В сеже лето бысть знамение: погыбе
сьльнице и бысть, яко мѣсяць, еже
глаголють невелиаси сънедаемо
сьльнице. В сеже лето преставися
Ольг Святославичь, мѣсяца августа
в 1 днь, а в вѣторыи погребен бысть
у святаго Съпаса, у гроба отца
своего Святослава.

6622 (1114). В сеже лето Мьстислав
заложи Новьгород болии първаго.
В сеже лето заложена бысть Ладога
каменнемъ на присъпе Павльмъ
посадынкъмъ при князи Мьстиславе.

6624 (1116). В сеже лето Мьстислав
Володимеричь ходи на Чюдъ и Новь-
городьци и с Пльсковичи, и възя
город их именемъ Медвежа Глава,
и погост без числа възяша, и възвра-
тишася в свояси с мьногъмъ поло-
пъмъ.

6625 (1117). Приведе Володимер
Мьстислава из Новгорода, и дасть
ему отць Белъгород, а Новгороде
седе Мьстиславичь, сын его, вьнук
Володимеров.

В то же лето бысть знамение
в солнци, якоже погыбе; а на осень
преставися Ольг, сын Святославль,
августа в 1.

6624 (1116). В то же лето Мьсти-
слав заложи Новьгород болии пър-
ваго. Том же лете Павль, посадник
Ладожьскый, заложил Ладогу город
камян.

6624 (1116). Иде Мьстислав на
Чюдъ с Новгородьци, и възя Мед-
вежю Голову на 40 святых.

6625 (1117). Иде Мьстислав Кьеву
на стол из Новгорода марта в 17;
а сын посади Новгороде Всеволода
на столе.

Итак, в Синодальном списке в известиях начала XII в. явно отразилась третья редакция Повести временных лет. Но эта же третья редакция Повести временных лет отразилась и во всех остальных новгородских летописях. В известиях этих Синодальный список представляет собой полное тождество со списками младшего извода Новгородской I летописи. Чтобы объяснить это совпадение, А. А. Шахматов прибегает к искусственному построению: он считает, что с 1074 г. младший извод Новгородской I летописи переходит от пользования Начальным сводом к Синодальному списку, откуда и заимствует все эти известия. В своей работе «Киевский Начальный свод 1095 г.» А. А. Шахматов утверждает, что младший извод Новгородской I летописи в пределах от 1055 до 1074 г. использовал иную летопись, кроме Синодального списка. Действительно, в пределах 1055—1074 гг. в младшем изводе Новгородской I летописи довольно много лишних против Синодального списка известий; но, во-первых, лишние известия имеются в младшем изводе также в пределах и с 1016 г. (с которого начинается Синодальный список) до 1055 г. (1044, 1047, 1049, 1050, 1051 гг.) — следовательно, здесь также нужно предполагать пользование особой летописью, но уже без Начального свода; а, во-вторых, эти лишние в младшем изводе известия могли получиться не в результате добавления их в младший извод из какой-то другой летописи, при этом с Начальным сводом в своем составе, а как результат сокращения Синодального списка. Это тем более вероятно, что Синодальный список, судя по числу утраченных ли-

стов, и в пределах до 1016 г. почти равнялся по объему младшему изводу; да и сама наполовину сохранившаяся в Синодальном списке статья 1016 г. не сокращена, а идентична той же статье младшего извода (за исключением одного обычного — в духе воинских повестей — распространения в младшем изводе).

Итак, различие между Синодальным списком и Новгородской I летописью младшего извода в использовании Начального свода А. А. Шахматовым не доказано. Утрата первых тетрадей не позволяет с полным основанием говорить о том, что старший извод Новгородской I летописи (т. е. Синодальный список) имел то же начало, что и младший извод, однако все же в краткой части Синодального списка от 1016 до 1074 г. есть признак того, что Синодальный список, так же как и младший извод, имел в своем протографе соединение какой-то летописи с Начальным сводом. В самом деле, под 1068 г. в Начальном своде было вставлено «Поучение о казнях божиих». Реминисценция этого «Поучения» сохранилась в Синодальном списке в словах «гнев божий бысть», составленных, очевидно, под влиянием начальных слов «Поучения»: «Наводит бо бог поганья, по гневу своему. . .». Обратим внимание также на разницу в формулировке этого известия 1068 г. в Синодальном списке и в Повести временных лет (курсив мой. — Д. М.).

Синодальный список
(изд. 1888 г.)

Повесть временных лет
(изд. А. А. Шахматова 1917 г.)

В лето 6576. Гнев божий бысть: придоша *Половци* и победиша Русьскую землю.

В лето 6576. Придоша *иноплеменьници* на Русьску землю, половеци мнози. . .

А. А. Шахматов считает в этом известии Повести временных лет слово «иноплеменьници» вставленным под влиянием начала «Поучения»: «Наводит бо бог по гневу своему иноплеменьники на землю». Как известно, «Поучение о казнях божиих» разрывает статью 1068 г. по середине, после приведенного известия. Отсюда следует, что слово «иноплеменьници» могло появиться только в Повести временных лет. Но слова «иноплеменьници» нет в Синодальном списке, а сохраняется, как и в других списках, слово «половци», что служит доказательством того, что в Синодальном списке использован текст предшествующего Повести Начального свода. Отсюда предполагаем, что «Софийский временник», т. е. соединение Начального свода с софийской владычной летописью, отразился не только в позднейшей части Синодального списка,⁵³ но и в его начальной части, что и естественно.

Итак, во всех новгородских летописях (в том числе и в Синодальном списке, но отчетливее всего в младшем изводе Новгородской I летописи), в пределах до 1074 г., был использован Начальный киевский свод, а от 1074 и до 1118 г. Повесть временных лет

⁵³ См. неоднократно нами упоминавшуюся работу А. А. Шахматова «Киевский Начальный свод 1095 года» (вып. 1, с. 148, 149 и др.).

в третьей редакции. Какой же из этих киевских сводов был использован в Новгороде раньше и какой после? Если бы новгородское летописание воспользовалось сперва Начальным сводом, а затем стало бы пользоваться третьей редакцией Повести временных лет, то последняя неизбежно отразилась бы и в части до 1074 г. (хотя бы в известиях о Рюрике в Ладоге, в определении княжения или воеводства Олега и т. д.). Между тем нет и намека на отражение Повести временных лет третьей редакции в пределах до 1074 г. Вряд ли мы можем предположить, что Повесть временных лет была известна в Новгороде в дефектном экземпляре, который начинался как раз с того года, на котором кончался экземпляр Начального свода — 1074. Такое совпадение мало вероятно. Поэтому приходим к тому же выводу, к которому пришел и А. А. Шахматов при изучении младшего извода Новгородской I летописи, т. е. что в начале новгородских летописей была сперва использована Повесть временных лет в третьей редакции, а затем уже в пределах до 1074 г. эта часть была изъята и заменена текстом Начального свода. Для такой замены в Новгороде XII в. имелись серьезные основания.

Ниже мы увидим, что пересмотр новгородского летописания по Начальному своду произошел в 1136 г. Отсюда ясно, что свод новгородской летописи с Повестью временных лет в третьей редакции был составлен до 1136 г. Но он не мог быть составлен и ранее 1118—1119 гг. — времени составления третьей редакции Повести временных лет. Следовательно, он был составлен в пределах от 1118—1119 гг. до 1136 г. Именно в этот промежуток времени в Новгороде княжил Всеволод Мстиславич — последний представитель старого княжеского порядка в Новгороде, изгнанный в 1136 г. вечем. Факт этот чрезвычайно знаменателен. В самом деле, если свод собственно новгородской летописи с третьей редакцией Повести временных лет был составлен именно при Всеволоде, тогда нам станет понятной и та нетерпимость, которая была проявлена к нему после переворота 1136 г. со стороны представителей нового порядка в Новгороде. Едва ли когда-либо впоследствии (как мы покажем это ниже), даже во времена уничтожения новгородской независимости, имелись случаи более упорного вытравливания прошлого летописания и замены его новым, по новым источникам. Что же это был за свод князя Всеволода, возбуждавший к себе такое нетерпимое отношение в новом республиканском Новгороде? Вспомним, что представляла собой третья редакция Повести временных лет в том виде, как это вскрыто А. А. Шахматовым. А. А. Шахматов устанавливает тесную связь этой редакции Повести со старшим сыном Владимира Мономаха — Мстиславом, бывшим до 1117 г. новгородским князем, выразившуюся, между прочим, в усиленном интересе летописца к этому князю. Наряду с интересом к Мстиславу составитель третьей редакции Повести временных лет проявляет значительный интерес и к Новгороду — месту его первоначального княжения. Так, например, мы узнаем из третьей редакции Повести, что состави-

тель ее бывал в Новгородской области и под 1114 г. записал рассказы о северных странах от посадника Гюрты Роговича, а также ладожское предание об основании Ладоги Рюриком.

Не будем останавливаться на подробностях, характеризующих состав третьей редакции Повести. Для нас важен лишь самый факт связи третьей редакции Повести временных лет с новгородским князем Мстиславом и с Новгородом. Факт этот тем более замечателен, что начало княжеского летописания и в Переяславле Русском, где также одно время княжил Мстислав, так же, как и в Новгороде, связано с инициативой Мстислава, положившего в его основу третью редакцию Повести временных лет.⁵⁴

Теперь пора вспомнить, что Мстислав был отцом изгнанного в 1136 г. князя Всеволода. Всеволод заменил отца на новгородском княжении тотчас по оставлении его Мстиславом. Таким образом, после приведенной характеристики третьей редакции Повести временных лет должно стать ясным, что она была привлечена Всеволодом к новгородскому летописанию в качестве своей фамильной, «придворной» летописи. Итак, новгородское летописание до ревизии его в 1136 г., обусловленной установлением нового республиканского строя в Новгороде (см. об этом ниже), было не только княжеским, но и фамильным, связанным с именами двух новгородских князей — Мстислава и Всеволода.

В заключение наших соображений о своде Всеволода вспомним об одном очевидном признаке проделанной при нем летописной работы. Под 1106 г. в Синодальном списке упоминается киевский князь Святоша как «тесть Всеволожь». Упоминание это могло быть уместным только при Всеволоде до 1136 г. В 1136 г. Всеволод был изгнан, и имя его стало однозначным.⁵⁵ Итак, до 1136 г. Всеволод имеет прямое касательство к летописанию, продолжая в этом отношении линию своего отца Мстислава и деда Владимира Мономаха. По примеру своего отца и деда Всеволод строит в Новгороде «княжой» Юрьев монастырь, приводя для него монахов из Киева⁵⁶ и снабжая его книгами (Юрьевское евангелие). Немного позднее Всеволод строит церковь Ивана на Опоках, в дан-

⁵⁴ См.: П р и с е л к о в М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 68. Таким образом, кроме Новгорода, третья, Мстиславова, редакция Повести временных лет положена в основу летописания и тех двух других городов, где княжил Мстислав: Киева (откуда третья редакция во главе киевской летописи XII в. — см. Ипатьевскую летопись) и Переяславля Русского.

⁵⁵ Не соглашаемся в этом отношении с А. А. Шахматовым, который считал возможным рассматривать это упоминание как один из признаков составления свода 1167 г. Вряд ли даже в 1167 г., т. е. спустя 60 лет, Святоша мог быть памятен как «тесть Всеволожь». Сам Всеволод к этому времени уже около 30 лет как сошел с политической арены (умер в 1139 г.). После него в Новгороде перебивало немало князей. В работе «Киевский Начальный свод 1095 г.» А. А. Шахматов, впрочем, отказался от такого толкования этого места (ср. вып. 1, с. 123).

⁵⁶ См. об этом: Г о л у б и н с к и й Е. История русской церкви. М., 1881, т. 1, с. 631.

ной грамоте которой отмечено, что он ее «всеми книгами исполнь». Понятно теперь, что интерес к летописи отнюдь не был у Всеволода случаен.

4. Пересмотр княжеского монашьяго летописания и составление «Софийского временника» при Нифонте

К какому времени могло относиться составление «Софийского временника», соединившего Новгородскую летопись с Начальным сводом и легшего в основание всего известного нам новгородского летописания? Мы видели, как после долгих колебаний А. А. Шахматов пришел к выводу, что Начальный свод в соединении с Новгородской летописью был известен в Новгороде уже в начале XIII в. Следовательно, составление «Софийского временника» следует искать где-то в промежутке времени между 1119 г. (время составления третьей редакции Повести временных лет) и началом XIII в. Чтобы уточнить еще более, когда именно произошло это использование, необходимо обратиться к предисловию «Софийского временника».

Передаем содержание предисловия «Софийского временника»: «Киев назван по имени Кия, подобно тому как Рим назван по имени царя Рима и др. Промыслу божию было угодно, чтобы на месте, где прежде приносили жертвы бесам, возникли златоверхие каменные церкви и монастыри, наполненные черноризцами, проводящими время в молитвах. Если мы прибегнем к святым церквям, то получим большую пользу душе и телу». Засим автор обращается к читателям с просьбой уделить внимание его рассказу о том, каковы были древние князья и их мужи, как они обороняли Русскую землю и покоряли под себя другие страны. «Те князья не собирали себе большого имения и не теснили людей вирами и продажами. А дружина князя кормилась, воюя другие страны, и не обращалась к князю с жалобой на то, что ей мало предложенного жалованья. За наше несытство бог навел на нас поганых». Далее следуют благочестивые увещания. Предисловие оканчивается, как в Комиссионном списке Новгородской I, так и в сводах, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в., словами: «Мы же от начала Рускы земля до сего лета и все по ряду известно да скажем от Михаила царя до Олексы и Исакья». ⁵⁷ Предисловие, как явствует из его содержания, состав-

⁵⁷ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись, с. 218. По-видимому, это имена греческих императоров начала XIII в. — Алексея и Исаака Ангелов (соправительство Исаака II Ангела и сына его Алексея IV падает на 1203—1204 гг.). Об этих царях хорошо знали новгородские летописцы по повести о взятии Царьграда крестоносцами. Имена эти были вставлены в предисловие при присоединении к «Софийскому временнику» повести о взятии Царьграда. Такой точки зрения А. А. Шахматов держался первоначально и в последней своей работе «Киевский Начальный свод 1095 г.» (вып. 1, с. 147—148).

лено в Киеве.⁵⁸ Яркая антикняжеская окраска предисловия позволяет А. А. Шахматову отнести его ко времени размолвки Киево-Печерского монастыря с князем Святополком (1093—1113).

Перейдем к вопросу о том, при каких политических обстоятельствах предисловие со столь ярко выраженными антикняжескими тенденциями могло быть перенесено в Новгород и стать здесь во главе государственной летописи, центральной летописи города. Косвенным указанием на время этого перенесения могут служить те явные изменения, которые были допущены в тексте предисловия. Помимо отмеченного уже Шахматовым изменения названия «Русский временник» на «Софийский временник», считаем, что только в Новгороде могли появиться слова: «прежде Новъгородская волость и по томъ Киевская. . .». Мысль эта была типична для Новгорода XII—XIII вв. В 1206 г. Всеволод III (Большое Гнездо) говорил: «. . . а Новгород Великий старейшинство иметь княженью во всей Русьской земли».⁵⁹ Можно предполагать также, что в предисловии были пропущены упреки князьям за междоусобные войны и плохую оборону русской земли от половцев. Мотив этот чрезвычайно существен для Начального свода, идею которого воспроизводило предисловие. Начальный свод заканчивался яркой картиной разорения русской земли от половцев, которым князья открыли дорогу на свою родину распрями, которами и плохой организацией защиты. Почему же все эти упреки русским князьям в распрях и плохой обороне русской земли, отразившиеся в самом тексте Начального свода, остались замолчены в предисловии? Предполагаем, что они имелись в нем, но были пропущены составителем «Софийского временника» — новгородцем, для которого раздоры князей между собой и половецкие набеги на южнорусские княжества не имели существенного значения. Новгород — единственный из русских городов, который выигрывал от ослабления княжеской власти в процессе борьбы князей между собой, но он существенно страдал от поборов, продаж, вир и других тягот, которыми князья облагали население. Указание на то, что в предисловии к «Софийскому временнику» были пропущены упреки князьям в междоусобной войне, видим в том тексте Повести временных лет под 1097 г., в котором читается явное заимствование из предисловия к Начальному своду. Посланцы киевлян к Владимиру говорят: «. . . молимъся, кнѣнѣже, тобе и братама твоима, не мозете погубити Русьскыя земле; еще бо възьмете рать межю собою, погании имуть радоватися, и възьмутъ землю нашу, юже беша сътяжали отци ваши и деди ваши трудъмъ великъмъ и храбръствъмъ, и побарающе по русьстей земли, и ины земли, приискываху, а вы хотите погубити

⁵⁸ В обстановку Киева переносит нас не только сообщение об основании Киева, но и фраза: «Куда же древле погани жряху бесом на горах, ныне же паки туды святыя церкви златоверхия каменнозданные стоят и монастыреве велицы поставлени быша». Затем следовало описание полян.

⁵⁹ Лаврентьевская летопись, 1206 г.

землю русьскую». ⁶⁰ Эта замечательная речь киевлян, полностью приведенная в Повести временных лет, звучит явно куцо в предисловии к Начальному своду в ее новгородской редакции. Между тем (как это доказано А. А. Шахматовым), ⁶¹ именно предисловие Начального свода было одним из источников статьи 1097 г. в Повести временных лет. Сравните с вышеприведенным отрывком статьи 1097 г. нижеследующее место в предисловии: «Вас молю, стадо христово, с любовью, приклоните ушеса ваша разумно, како быша древнии князи и мужие их и како отбараху (русь)-ския земле и ины страны придаху (приимаху) под ся». ⁶²

Надо думать, что Повесть временных лет заимствовала из предисловия к Начальному своду упреки князьям в более полном и последовательном составе, чем они читаются теперь в предисловии к «Софийскому временнику». Текст Повести временных лет логичнее: он-то, следовательно, или близкий к нему и читался первоначально в предисловии к Начальному своду. Совершенно очевидно, что здесь мы имеем дело с искажением первоначального текста предисловия Начального свода. Это искажение было произведено рукою того летописца, которому выгодно было подчеркнуть насилия князей в поборах, их «несытство», но невыгодно было пропагандировать сильную княжескую власть и незачем требовать активной наступательной политики по отношению к степи.

Мы уже показали выше, что именно такие антикняжеские тенденции характерны для Новгорода середины XII в. В это время как раз происходит борьба веча и епископа с князьями как собственниками. Одни за другими отбираются от князя его доходы, земли и права. Этому урезыванию княжеских доходов и прав, очевидно, предпосылалась пропаганда против алчности и «несытства» князей. Упреки князьям в братоненавидении, в раздорах и наведении кочевников (упреки, обычные в летописании киевском) не были бы так понятны в Новгороде, как упреки в эксплуатации населения и в роскоши. Тема Киевской летописи — это тема патриотической скорби; тема Новгородской летописи — тема политического переворота.

Таким образом, злободневность предисловия «Софийского временника» в середине XII в. не подлежит сомнению. Именно в середине XII в., очевидно, и понадобилось перенести слегка переработанное предисловие Начального свода, сделав его предисловием «Софийского временника», т. е. летописи софийского двора. Отметим, что внесение в Новгородскую летопись предисловия Начального свода со специальной, антикняжеской целью могло иметь смысл лишь в самые первые годы после изгнания Всеволода, так как преемник Всеволода Святослав и последующие князья,

⁶⁰ Шахматов А. А. Повесть временных лет, т. 1, с. 307.

⁶¹ Шахматов А. А. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись, с. 226—227.

⁶² Цит. по: Новгородская первая летопись по Синодальному харатейному списку.

приглашаемые вечем, хотя и изгонялись из Новгорода чрезвычайно часто, не могли, тем не менее, рассматриваться как олицетворение старого порядка. Это были неудачные исполнители воли веча, но не его принципиальные политические враги, как Всеволод. Поэтому начинать государственную летопись с упреков по адресу представителей старого порядка имело смысл лишь в самые первые годы после переворота. Так это мы и видим.

В самом деле, в 1136 г. князь Всеволод собравшимся вечем новгородцев, ладожан и исковичей был изгнан из Новгорода. В ведение владыки окончательно переходит средоточие новгородской политической жизни — детинец с патрональной святыней Новгорода — храмом Софии. Именно в это время мы видим участие в летописи нового лица софийского двора — Кирика. В 1136 г. Кирик предпринимает подготовительный для реформы летописания труд — «Учение им же ведати числа всех лет». ⁶³ И именно в этом же году Новгородская летопись ясно отражает его участие в ее составлении. ⁶⁴

Хронологическая статья, составленная Кириком, обнимала собой следующие разделы: «Ведание месячное», «Хитрость числом недельным», «Како есть разумести числу дневному», «Испытание часовное», «А се учение о индикте» и т. д. Приведенный нами перечень разделов говорит о том, что работа Кирика имела существенное значение для летописания, для которого, очевидно, и предназначалась. Отметим, что Кирик с явным сочувствием отзывался в этой своей работе о представителе нового республиканского порядка в Новгороде — о князе-изгое Святославе. В заключительной приписке, упомянув, что хронологическая статья написана им (Кириком) в первое лето княжения Святослава Ольговича, Кирик прибавляет: «бог же ему да продължит лета». Обратим также внимание на то, в какой торжественной и необычной форме объявляет тот же Кирик и в летописи о приезде в город нового князя Святослава Ольговича вместо изгнанного Всеволода: «В то же лето приде Новугороду князь Святослав Олговиць ис Цернигова, от брата Всеволодка, месяца июля в 19, преже 14 каланда августа, в неделю, на сбор святыя Еуфимие, в 3 час дне, а луне небесней в 19 день». ⁶⁵ Точностью и подробностью датировки Кирик явно стремится подчеркнуть начало новой эры в жизни Новгорода. Естественно, что с переходом Софии от князя к владыке должно было перестроиться и все новгородское софийское летописание. Княжеское летописание перерабатывается в духе новых требований, Софийская летопись получает новое название и новое предисловие, наиболее ответственная вступительная часть летописи перерабатывается по Начальному своду. Привлечение Начального свода для ревизии и переработки предшествую-

⁶³ Труды и летописи ОИДР. М., 1828, кн. 1, ч. 4.

⁶⁴ Шахматов А. А. Разыскания. . ., с. 185 и 669.

⁶⁵ Новгородская первая летопись по Синодальному харатейному списку, с. 129.

щего княжеского летописания было, таким образом, вполне логичным и последовательным шагом.

Повесть временных лет в своей третьей редакции, использованная в предшествующем летописании, была летописью княжого Выдубицкого монастыря. Начальный же свод не только был антикняжеским по своим тенденциям, но и принадлежал как раз тому самому Печерскому монастырю, чьим постриженником являлся главный деятель нового «республиканского» Новгорода Нифонт. Печерянин Нифонт не мог не знать, что именно киево-печерский Начальный свод использовал при своем составлении Новгородскую летопись, доведенную до 80-х гг. XI в. Привлекая к составлению новой летописи Начальный свод, Нифонт, очевидно, рассчитывал на полноту новгородских известий в киево-печерском Начальном своде. Заменить известия первых нескольких столетий новыми погодными записями, взятыми из «надежного» и «своего» источника, очевидно, казалось Нифонту особенно необходимым ввиду того, что именно на этой части летописи основывались политические права и претензии Новгорода: здесь рассказывалось и о призвании варягов, и об Ольге, имевшей непосредственное отношение к Новгороду и Пскову, и, главное, — о Ярославе Мудром, на грамоты которого всегда опирались новгородцы, когда им приходилось отстаивать свою независимость. Начальный свод imponировал Нифонту своими грекофильскими тенденциями и установлением зависимости Печерского монастыря непосредственно от Афона,⁶⁶ которая, подобно зависимости Новгорода от Константинополя, давала ему некоторую свободу от великого князя. Итак, выбор Нифонтом Начального свода для проверки и реконструкции Новгородской летописи отнюдь не может быть признан случайным. Это глубоко продуманный шаг, за которым кроются не только вкусы печерянина, но и политические убеждения человека, устанавливающего новые социальные порядки в Новгородском государстве. Именно этим использованием Начального свода для новгородского летописания и строгой ревизией предшествующей летописи можно отчасти объяснить тот поразительный факт отсутствия у нас полных текстов новгородских летописей XI в., который отмечали почти все исследователи Новгородской летописи. Есть все основания думать, что предшествовавшее своду Всеволода и своду Нифонта новгородское летописание XI в., использованное в киевских летописях XI в., отличалось большей полнотой и последовательностью, чем те летописные известия XI в., которые дошли до наших дней. Возможно, что именно поэтому киевские летописи сохранили нам больше новгородских известий от XI в., чем сами новгородские. Нет оснований возводить эту пресловутую краткость новгородских летописей в части XI и начала XII в. к позднейшей московской цензуре

⁶⁶ Автор Начального свода вставил в житие Антония рассказ о его путешествии на Святую гору (Афон), где он якобы принял монашество и получил сан.

конца XV в., как это делает Н. Н. Яниш.⁶⁷ Цензура новгородских известий была, но она была проведена не только в конце XV в., а и в середине XII в., когда события XI в. звучали еще вполне актуально. Цензура эта сказалась уже, следовательно, и в Синодальном списке Новгородской I летописи.

Политические устремления составителя свода 1136 г. (так мы будем называть проверку Новгородской летописи, произведенную после изгнания Всеволода, и переработку ее с помощью Начального свода) отчасти видны и в погодных записях. Известие 1132 г. явно иронически и недоброжелательно изображает уход Всеволода в Полоцк: пошел в Полоцк, «а целовав крест к новгородцем, яко хоцю у вас умерети».⁶⁸ Летописец несочувственно относится к князьям и после Всеволода. Так, например, под 1148 г. летописец записал, что новгородцы вывели от себя Святополка Мстиславича «злобы его ради».⁶⁹ Под 1154 г. летописец укоряет брата его Ростислава за то, что он «не створи им ряду, нъ боле раздъра»⁷⁰ и т. д. Надо, впрочем, иметь в виду, что строгие рамки новгородского летописного стиля не позволяли летописцу вдаваться в оценку изображаемых событий. Составитель свода 1136 г. лишь регистрирует события и не останавливается на их причинах. Эта характерная черта Новгородской летописи прямо противоположна полемической манере Киевской летописи. Киевский летописец по большей части обращал свою летопись к лицам, которых он хотел заставить разделить свои убеждения; новгородский же летописец обращает летопись к лицам одинаковых с ним взглядов. От этого сочувствие или несочувствие новгородского летописца можно определить порой лишь косвенно: по тому вниманию, с которым он следит за тем или иным действующим лицом своей летописи. Так, например, Синодальный список не упоминает о поставлении епископа Стефана. Вряд ли это случайно. Стефан был удушен своими слугами во время поездки в Киев. Очевидно, Стефан не пользовался симпатиями народных масс в Новгороде. Характерно, что Стефан не удостоился погребения в церкви Софии.⁷¹ Нет упоминаний и о другом из непохороненных в церкви Софии епископе — Германе. Зато особым, прямо исключительным вниманием пользуется в Новгородской летописи Нифонт. Летописец меняет свою скупую фактографическую манеру, когда говорит о прибытии Нифонта в Новгород,⁷² и останавливается

⁶⁷ Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874.

⁶⁸ Новгородская первая летопись по Синодальному харатейному списку, с. 126.

⁶⁹ Там же, с. 137.

⁷⁰ Там же, с. 140.

⁷¹ М у р а в ь е в М. В. Св. София — Новгородский пантеон. — В кн.: Сборник Новгородского исторического общества любителей древности. Новгород, 1980, вып. 1, с. 53.

⁷² «И поставиша архиепископа Нифонта, мужа свята и зело боящяся бога; и приде Новугороду месяца генъваря в 1 день, на святаго Василья, на обеднюю» (Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, с. 125).

даже на таких из его поступков, которые могли иметь лишь канонический юридически-церковный интерес, но отнюдь не исторический. Таково, например, известие 1145 г. о том, что Нифонт отказался отпевать двух утонувших попов.⁷³ Кстати, вопрос о том, следует ли предавать христианскому погребению утопленников, так же как и вопрос о том, можно ли крестить кости мертвецов (известие Начального свода 1044 г. о том, что Ярослав выгреб из могил и крестил кости своих предков, тщательно сохранено в Синодальном списке),⁷⁴ характерны для круга интересов того же Кирика как автора известных канонических «Вопрошаний». Общность канонических интересов Кирика и летописи и в «Вопрошаниях», общность интереса к Нифонту и общность языка (юридических терминов и некоторых просторечных оборотов) свидетельствуют о самом активном участии в составлении нового новгородского свода 1136 г. именно Кирика. Кирик не только перерабатывал и сокращал предшествующую ему летопись — кое в чем он ее и дополнял. Так, например, записи об Антониевом монастыре под 1117, 1125 и 1127 гг. вряд ли современны событиям: во всех них Антоний назван игуменом, тогда как игуменом он был поставлен Нифонтом только в 1131 г. Очевидно, что доместик Антониева монастыря Кирик присоединил к своему своду также и свои местные отметки по истории Антониева монастыря.

Итак, все факты говорят о том, что «Софийский временник», использовавший при своем составлении киево-печерский Начальный свод, возник с установлением в Новгороде в середине XII в. нового социального и политического порядка. Составителем этого «Софийского временника» был, по-видимому, Кирик — приближенное лицо Нифонта.

Замечательно, что этот перелом в характере новгородского летописания, падающий на 1136 г., с полной ясностью интуитивно ощутил Н. Костомаров: «. . . тут летописец начинает непрерывную историю, а все, что внесено в летопись прежде этого события, изъято или из церковных заметок или из особых записей, писанных не для того, чтобы предать памяти прошлые события, а для особых целей. . . Кажется, что именно с этого времени начинается собственно новгородская летопись».⁷⁵ Костомаров отмечает также, что с 1137 г., именно после изгнания Всеволода, повествование о политических новгородских событиях делается еще пространнее.⁷⁶

* * *

Чем же, однако, объяснить, что Начальный свод 1095 г. был использован только до 1074 г.? Думается, что ответ на этот вопрос

⁷³ «В то же лето утопоста 2 попа, и не да епископ над нима пети» (там же, с. 135).

⁷⁴ «В лето 6552. Погребена бысть 2 князя, сына Святославля: Яроцъл, Ольг; и крестяща кости ею» (там же, с. 90).

⁷⁵ К о с т о м а р о в Н. Лекции по русской истории. СПб., 1861, ч. 1, с. 63.

⁷⁶ Там же.

должен быть не в том, что в Новгороде «нашелся» дефектный экземпляр Начального свода с оборванными последними страницами. Ответ на этот вопрос должен лежать в самом составе Начального свода. Вспомним, что Начальный киевский свод включал новгородские известия только в пределах до 1066 г. «После указанной статьи 6574 (1066) года мы не находим более в Повести временных лет (Начальном своде) ни одного известия, которое можно было бы возвести к новгородской летописи».⁷⁷ Подавляющую часть выборок из Начального свода в Синодальном списке составляют сообщения общерусские. Преобладание сведений общерусских, думается нам, объясняется общерусским характером источника, из которого они брались. За общерусскими известиями (большинство из которых, тем не менее, имеет особый интерес для Новгорода) по численности идут новгородские известия: всего их попало в Синодальный список с 1016 по 1095 г. — восемь. Пропущены лишь те новгородские известия, которые касаются поражений новгородцев. Так, например, под 6529 (1021) г. в Начальном своде читалась статья о нападении Брячислава на Новгород и о победе над ним Ярослава на реке Судомире. В Синодальном списке оставлен только факт победы Ярослава над Брячиславом («победи Ярослав Брячислава»). Очевидно, летописцу-новгородцу важны были лишь победы новгородцев как одно из оснований новгородских претензий на независимость от Киева.

Итак, в работе над Начальным сводом новгородец-летописец руководствовался специальной целью сделать из него выборки, касающиеся Новгорода. А раз так, то в этом находит себе объяснение тот факт, что Начальный свод не был использован до конца, и получает еще одно подтверждение гипотеза о переработке традиционной Новгородской летописи со специальной целью заменить ее выборками из Начального свода.

Выводы, к которым мы пришли выше, позволяют нам по-новому поставить вопрос о том, что было в утраченной части Синодального списка Новгородской I летописи в пределах до 1016 г. А. А. Шахматов говорит о «полном несходстве» Синодального списка в части от 1016 г. до 1074 г. включительно⁷⁸ и о невозможности восстановить начало Синодального списка на основании списков Новгородской I летописи младшего извода (Комиссионного, Толстовского и Академического). Мы видим, однако, что это несходство старшего и младшего изводов Новгородской I летописи не имеет принципиального характера. В основе Синодального списка лежит тот же «Софийский временник», что и в основе Новгородской I летописи младшего извода. На этом основании мы можем предположить, что и до 1016 г. в своей утраченной

⁷⁷ Шахматов А. А. Разыскания. . ., с. 181. См. также нашу статью «Устные летописи в составе Повести временных лет» (наст. изд., с. 113—136).

⁷⁸ Шахматов А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 129.

части Синодальный список представлял собою какую-то переработку Начального свода.

В какой форме было представлено в Синодальном списке это изложение Начального свода до 1016 г.? Ответу на этот вопрос отчасти может помочь нумерация рукописи Синодального списка. Судя по отметкам внизу на листах Синодального списка Новгородской I летописи, утрачено 15 тетрадей, по 8 листов в каждой, т. е. 240 страниц! Это огромное количество страниц в утерянной части не вяжется с дальнейшим лаконизмом Синодального списка. Объем утраченной части Синодального списка почти равняется в тех же хронологических пределах объему Новгородской I летописи младшего извода. Обращая внимание на этот объем, мы можем считать, что Синодальный список в своей утраченной части имел, так же как и Новгородская I младшего извода, не сокращенное, а полное или почти полное воспроизведение текста Начального свода.

Но если Синодальный список в части до 1016 г. (вернее, до 1017 г., так как статья 1016 г. не сокращена) заключал в себе полное или почти полное воспроизведение Начального свода до 1016 г., то что заставило новгородского летописца сокращать его начиная с 1017 г.? Ответ на этот вопрос опять-таки лежит в самом составе Начального свода начиная с 1016 г., вернее, даже в характере событий русской истории после 1016 г. На протяжении ряда веков, вплоть до московского завоевания, новгородцы связывали начало своей независимости с Ярославом Мудрым и теми грамотами, которыми он якобы снабдил Новгород. В самом Новгороде свято сохранялась память о Ярославе в названии «Ярославова дворица» — вечерней площади Новгорода. Патрональная святыня Новгорода — София была основана при Ярославе; с Ярославом же, наконец, была связана память о походах на Чудь и об основании Юрьева. С именем Владимира в Новгороде связывалось не только крещение новгородцев, но и одна из самых больших святынь Новгорода — Владимиров крест, появление которого 23 октября 1069 г. на полатех в церкви Софии специально отмечал Синодальный список. Ближайшее отношение к Новгороду имела и княгиня Ольга, сани которой стояли во Пскове, а ловища и перевесища находились в ближайшем расстоянии от Новгорода. Итак, Начальный свод в части до 1016 г. представлял огромный интерес для Новгорода; он был теснейшим образом связан с деятельностью тех князей, которые в своей политике непосредственно соприкасались с Новгородом. С 1016 г., после битвы со Святополком, судьбы Киевского княжества и Новгородской области расходятся. Киев не играет уже прежней роли в судьбе Новгорода. Естественно поэтому, что новгородский летописец, закончив изложение существенных для Новгорода событий киевской истории битвой Ярослава со Святополком и спеша перейти к собственно новгородской истории, сильно сократил известия 1016—1074 гг. Это сокращение, как мы уже указали, особенно значительно в Си-

подальном списке; не исключена возможность, что оно было произведено составителем протографа Синодального списка.

Итак, утверждение А. А. Шахматова о «полном несходстве» Синодального списка с Новгородской I младшего извода и о невозможности восстановить утраченное начало Синодального списка вряд ли верно. В вопросе о том, что представляла собою утраченная часть Синодального списка, мы должны вернуться к тому положению, что она восстанавливаема в общих чертах на основании Комиссионного, Толстовского и Академического списков Новгородской I летописи.

Наконец, попробуем сделать некоторые предположения и о таком, казалось бы, неразрешимом вопросе: почему была утрачена начальная часть Синодального списка? Обратим внимание на то, что Синодальный список утратил свое начало как раз до того года, с которого летописец приступил к резкому сокращению своего источника. Вряд ли можно предположить в этом факте простую случайность, но и объяснение может быть различным.

Во-первых, мы можем предположить, что подробная и пространная часть Синодального списка могла понадобиться какому-нибудь позднейшему летописцу в новом своде, для составления которого эта часть и была изъята из рукописи. Обратим при этом внимание на то, что Троицкий список Новгородской I летописи заканчивается как раз на 1015 г. В последующих сводах протограф Синодального списка часто использовался начиная с 1074 г., т. е. опять-таки с «переломного» пункта от сокращенной к более пространной части (см., например, Тверской сборник). Естественно, что Синодальный список мог быть использован и в части до 1016 г.

Во-вторых, Синодальный список мог утратить свое начало в результате цензурирования новгородских сводов Москвой в конце XV—начале XVI в. Подробно взгляд этот был высказан Н. Н. Янишем в цитированной его работе. Н. Яниш допускает преднамеренное истребление, порчу и обезглавление новгородских летописей в пору завоевания Новгорода Москвой. Н. Яниш предполагает, что именно в начальной части Новгородской летописи находились те Ярославовы грамоты, на которых новгородцы основывали свою независимость, находились «новгородские предания о начале Новгорода и Русского Государства, предания, в которых отразились политические представления новгородского общества о характере отношений народа к княжеской власти».⁷⁹ Если так, то далеко не случайно, а по сознательной воле московского «цензора» древнейший из списков Новгородской летописи оказался начатым с насмешки по адресу новгородцев: «А вы плотници суще, а приставим вы хором рубити».⁸⁰ Наличие

⁷⁹ Яниш Н. Новгородская летопись и ее московские переделки, с. 81—82.

⁸⁰ Новгородская первая летопись по Синодальному харатейному списку, с. 83.

такой московской цензуры в Синодальном списке может быть продемонстрировано следующим примером: под 6840 (1332) г. в Синодальном списке читается: «Иван [Калита] приде из Орды и възверже гнев на Новъгород, прося у них серебра Закамьского, и в том взя Торжек и Бежичьский верх за новгородскую измену». Однако слова «за новгородскую измену» оказываются написанными по выскобленному, а первоначально, как это видно из чтений других списков Новгородской I летописи, в нем стояли слова: «через крестное целование».⁸¹ Это означает, что новгородец-летописец обвинял Ивана Калиту в нарушении крестного целования; москвич же «цензор», в руках которого побывал в конце XV или, может быть, в начале XVI в. Синодальный список, обвинил самих новгородцев в измене, выскоблив обвинения против Калиты. Не тот ли же самый москвич уничтожил и первые 15 тетрадей Синодального списка?

Свод, составленный Кириком, не был при Нифонте единственным. Выдающуюся роль в летописании Новгорода XII в. сыграл другой ставленник Нифонта — настоятель церкви Якова в Неревском конце Герман Воята, но его работа требует особого рассмотрения.

1948

⁸¹ Там же, с. 328.